

350383

А. В. Журавскій.

Европейскій Русскій Сѣверъ.

Къ. вопросу
о грядущемъ
и прошломъ
его быта.

Съ 12 рисунками въ текстѣ по фотографіямъ Д. Д. Руднева.

Цѣна 50 коп.

доходъ отъ продажи изданія поступаетъ на усиленіе средствъ Архангельского Общества
изученія Русскаго Сѣвера.

Архангельскъ.
Губернская Типографія.
1911.

Архангельскому Обществу изучения Русского Севера, за его полезную
дѣятельность, экспертизой комиссии Комитета выставки морскихъ
экспкурсій и видовъ въ 1911 году, присужденъ почетный отзыбъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911-й ГОДЪ

Годъ изданія
третій.

на

Годъ изданія
третій.

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Извѣстія Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера“

(ЖУРНАЛЪ ЖИЗНИ СѢВЕРНАГО КРАЯ).

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждого мѣсяца.

ЗАДАЧИ И ЦѣЛИ ОБЩЕСТВА ОПРЕДЕЛЯЮТЪ И ЗАДАЧИ „ИЗВѢСТИЙ“:

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Узакненія. Распоряженія и постановленія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій центральныхъ и мѣстныхъ, имѣющія отношенія къ жизни Сѣвера.

Текущая дѣятельность Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера.

Отдельные статьи и доклады по изученію Сѣвера и выясненію условій его развитія. Обсужденіе предположений, направленныхъ къ измѣненію условій жизни и производительности Сѣвера.

Подписная плата: 1) для всѣхъ членовъ Архангельского Общества изученія Русскаго Сѣвера 3 руб. въ годъ; 2) для сельскихъ священнико-и церковно-служителей, учителей, волостныхъ писарей, фельдшеровъ и акушерокъ 3 руб. въ годъ; 3) для прочихъ подписчиковъ 4 руб. въ годъ.

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по четверткамъ года, при взносѣ денегъ впередъ. Плата за объявленія на первой страницѣ журнала—20 коп. за строку петита, на постѣдней—10 коп.

Подписка на „Извѣстія А. О. И. Р. С.“ принимается во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Имперіи безъ уплаты 15 коп. за переводъ денегъ.

Въ Архангельскѣ подписька и объявленія принимаются: въ Городской Публичной библиотекѣ, въ магазинѣ Об-ва Потребителей и въ книжныхъ магазинахъ: Булычевой Шашковской и Коганѣ.

Гг. иногородніе публикаторы и подписчики благоволятъ обращаться по адресу: Архангельскъ, Правленіе АРХАНГЕЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ РУССКАГО СѢВЕРА.

Рукописи слѣдуетъ направлять по адресу редакціи. Статьи и корреспонденціи оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Пробные №№ высыпаются за 4 семикоп. марки. За перемѣну адреса взимается 4 семик. марки.

Издатель Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Редакторъ В. Ленгаузэръ.

(См. стран. 34).

А. В. Журавскій.

Европейскій

Рускій

Събѣръ.

Къ вопросу
о грядущемъ
и прошломъ
въ быватѣ.

Съ 12 рисунками въ текстѣ по фотографіямъ Д. Д. Руднева.

Архангельскъ.
Губернская Типографія.
1911.

Европейский Русский Съверъ.

(Къ вопросу о грядущемъ и прошломъ его быта).

94,9% 0%.

Вместо эпиграфа къ этой небольшой статьѣ, я даю сравнительныя площасти Съвернаго района Европейской Россіи (А) и Эстляндской губерніи (Б). Въ первомъ—казнѣ принадлежитъ около 95% всей поверхности, во-второй—0%.

Нелѣный, несуразный, рѣжущій зрѣніе эпиграфъ.

Но—такова дѣйствительность, И дай-то Богъ,

А.—Съверный районъ. чтобы виѣшняя несуразность сосѣдства этихъ б.—Эстляндская губ.

двухъ эпидиаграммъ, подавляюще, дико какъ-то, дѣйствующее на зрѣніе виѣшнисе, отразилась-бы на внутреннемъ зрѣніи русскаго человѣка, т. к., вѣдь, эта несуразность, неоразмѣрность—проекція дѣйствительнаго явленія.

А дѣйствительность эта такова, что казенныя, государственные земли одного только Съвернаго района составляютъ около 70% всей казенной и уѣльной земли Европейской Россіи (67,6%).

Междуд тѣмъ, при этомъ, казнѣ принадлежать 98,2% всей гигантской площасти земель, до сихъ поръ находящихся въ состояніи первобытнаго ландшафта, т. е. ни копейки не вносящихъ въ бюджетный балансъ Россіи. Эти 98,2% казенныхъ земель составляютъ 90,6% всѣхъ первобытныхъ, неиспользуемыхъ казенныхъ земель всей Европейской Россіи; а это значитъ, что болѣе $\frac{9}{10}$, болѣе 90% этихъ казенныхъ земель остаются бездоходными, при чмъ сосредоточены всѣ въ одномъ Съверномъ районѣ и т. д.

Такъ говорять цифры Отдѣла Сельской Экономіи и Сельскохозяйственной Статистики Г. У. З. и З.

Прибавимъ еще, что въ районѣ сосредоточено, по менышей мѣрѣ, 50% всѣхъ казенныхъ лѣсовъ Европейской Россіи, тогда какъ земли, въ частности, Архангельской губерніи приносятъ казнѣ дохода едва 5 коп. съ десятины.

Междуд тѣмъ, двѣ губерніи Съвернаго района—Архангельская и Вологодская—будучи, независимо отъ площасти, богатѣйшими по ископаемымъ, промысловымъ и скотоводческимъ возможностямъ, занимаютъ, по исчисленію Отдѣла Сельской Экономіи, болѣе 114 миллионовъ десятинъ, или ровно 25% всей поверхности Европейской Россіи.

Конечно, никогда не можетъ быть тока въ нужномъ направлениі, если не проведены, предварительно, въ этомъ направлениі провода;

въ такой-же мѣрѣ, экономическое развитіе края, являющееся пропорциональнымъ слѣдствіемъ соответствующихъ мѣропріятій, не можетъ быть причиною своего слѣдствія и не наступить, не можетъ наступить до тѣхъ порь, пока не будетъ предпринято то, что должно вызвать жизнь „мертвыхъ земель“, мертвыхъ миллиардовъ. Безъ дорогъ — культура недвижима; по неправильно проведеннымъ дорогамъ, по дорогамъ, проведеннымъ безъ учета послѣдствій отдаленного грядущаго и безъ ясно представленной априорной программы исторического развитія экономіи,—и движение культуры будетъ неправильное, и при всѣхъ данныхъ для симфоніи, даетъ лишь какофонію.

Маленькая, ничтожная въ государственномъ бюджетѣ монетка-гривенникъ годового дохода.

Но когда рѣчь идетъ о площади, составляющей $\frac{1}{4}$ всей Европейской Россіи, заключающей около 70% всѣхъ казенныхъ земель и 65% всѣхъ казенныхъ лѣсовъ (64,7%) Европейской Россіи,—тогда приливъ въ годовой бюджетъ Россіи по „лишнему“ гривеннику съ десятины составляетъ вопросъ прилива уже „лишихъ“ $11\frac{1}{2}$ миллионовъ золота.

И, казалось-бы, разъ это такъ,—основательно-ли опасеніе затраты даже и въ 11 миллионовъ, если они даутъ $11\frac{1}{2}$?

Между тѣмъ, едва-ли потребовалась бы и такая затрата, чтобы повысить доходность сѣверныхъ казенныхъ земель не только на гривенникъ, но и на полтинникъ.

Съ двумя только истинами надо считаться въ вопросахъ государственной экономіи. Во-первыхъ — „время-деньги, а потерянное время — потеряныя деньги“; и во-вторыхъ — положеніе, высказанное еще Джономъ Стюартъ-Миллемъ: «когда цѣль состоить въ томъ, чтобы надолго улучшить положеніе народа, тогда незначительные средства не просто производятъ незначительное дѣйствіе, а вовсе не производятъ никакого дѣйствія».

Въ этомъ, наряду съ предубѣжденіями и предразсудками противъ нашего Сѣвера, не считавшимися не только съ возможностями (потенциальными богатствами), но и съ данными дѣйствительности,—и кроется причина тому, что, хотя и дѣжалось кое-что для Сѣвера, но, пока правительство послѣдняго времени на болѣе интенсивная мѣропріятія,— $\frac{1}{4}$ всей Европейской Россіи, прилегающая къ столицамъ Имперіи и омываемая 10-тысяча-верстной полосой российскихъ территоріальныхъ водъ, считалась лишь „окраиною“ и ею-же пребывала въ дѣйствительности.

Снова возвращаю вниманіе русскихъ людей къ диаграммѣ, служащей эпиграфомъ къ настоящей статьѣ.

Бъ частности, Печорско-Мезенский край занимаетъ площадь, равную площиади всей Архангельской губерніи (около 75 миллионовъ десятинъ), а одинъ только Печорский край (бассейнъ Печоры), наиболѣе «забытый», составляетъ 75% всей поверхности Архангельской губерніи.

Мнѣ представляется, что эти цифры сами собою отвѣчаютъ на вопросъ: «почему Печорский край», когда рѣчь идетъ о привлечениіи къ этому краю не того вниманія, которое представляеть собою, какъ нынѣ, болѣе «любопытство», но того прочнаго вниманія, которое имѣеть слѣдствіемъ энергичныя мѣропріятія, активную дѣятельность государства и предпримчивость національного общества.

Наши географическія представлениія о нашей родинѣ прогрес-сируютъ по мѣрѣ и по направленію отмирания того первобытнаго кочевого и полукочевого быта, съ психологическими традиціонными останками котораго призывалъ Россію всемѣрно бороться, Дм. Ив. Менделѣевъ въ своемъ классическомъ для Россіи труда „Къ познанію Россіи“.

Такъ еще въ 1581 году въ латинскомъ описаніи „Европейской Сарматіи“, посвященномъ королю Стефану Баторію (см. № 1 за 1911 г. „Ізвѣстій Арх. Общ. изуч. Р. С.“) Александромъ Гуагнусъ о „Двинской провинціи“ говорилось, что жителямъ ея „употребленіе хлѣба совершенно непрѣдѣльно“, о „Вологодской провинціи“—что ея жители „совершенно не знаютъ употребленія хлѣба“, о „Пермскомъ краѣ“,—что „жители этого края очень рѣдко питаются хлѣбомъ“, о „Вятскомъ Краѣ“—что „весь почти край болотистъ и бесплоденъ“.

Не таковы-же ли еще и нынѣ представлениія большинства русскихъ людей объ Архангельской губерніи и, въ частности, о Печорскомъ краѣ? Многіе-ли знаютъ, что на Печорѣ уже болѣе 400 лѣтъ (въ Устьцильмѣ) существуетъ хлѣбопашество? Многіе-ли знаютъ о томъ, что, даже по даннымъ официальныхъ статистическихъ отчетовъ, урожай здѣсь выше, чѣмъ въ 50% осталойной Россіи, несмотря на дико первобытное землепользованіе и отвлечение доходнѣйшими промыслами, что, несмотря на отсутствіе путей сообщенія и прочихъ условій для возникновенія и развитія экспортной торговли масломъ, въ Печорскомъ уѣздѣ, при малой его заселенности,—наивысшее количество головъ не только оленей, но и молочного скота и лошадей? И т. д.

А между тѣмъ, если бы и не было налицо этихъ условій, если-бы и нынѣ царили тѣ условія первобытнаго ландшафта, какія были въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, то развѣ ничего не говорило-бы сравненіе того, „чѣмъ былъ“ этотъ край тогда и „чѣмъ сталъ“ нынѣ?

А былъ этотъ край—„болотистымъ и бесплоднымъ“; сталь-же—„житницею Урала“, занимающею нынѣ, по даннымъ Отдѣла Сельской

Экономії, 57% всей посъѣнной площади Европейской Россіи подъ озимой рожью, овсомъ, яровой пшеницею, ячменемъ, льномъ, гречихою, горохомъ и картофелемъ; въ немъ, изъ прежнихъ „болотистыхъ и бесплодныхъ земель“ осталось всего менѣе 6%; отдастъ ежегодно болѣе четверти миллиарда пудовъ зерна, хотя его пахотная площасть составляетъ лишь 7% всей пахотной земли Европейской Россіи.

Пусть близкое будущее нашего близкаго Сѣвера не такъ блестяще, какимъ оно рисуется шонерамъ „сѣверного вопроса“, судить правоту и вѣру которыхъ, конечно, сможетъ только само будущее, т. е. исторія; но, несомнѣнно, что оно не такъ мрачно, какимъ представлялось еще 10 лѣтъ назадъ, до первыхъ выступлений А. С. Нормана.

Пусть изъ учетовъ, вѣры и надеждъ шонеровъ вопроса будетъ извлеченъ квадратный корень: все-таки въ итогѣ получится число со знакомъ „плюсъ“, а не „минусъ“, какъ это было прежде. А и этого уже немало, т. к. если-бы этого не произошло, то Россія была-бы несостоятельна во владѣніи и использованіи цѣлой четверти всѣхъ государственныхъ земель Европейской Россіи!

Конечно, только будущее можетъ судить „пророковъ Сѣвера“—людей будущаго; только исторія сможетъ выяснить определенно, что было ближе къ истинѣ: вѣра или невѣrie, и къ какой точкѣ приложения этихъ двухъ силъ развитія человѣка и человѣчества пройдетъ „равнодѣйствующая“ фактической жизни русскаго Сѣвера.

Сейчасъ-же можно предсказать съ увѣренностью лишь то, что эта „равнодѣйствующая“ грядущей дѣйствительности пройдетъ, во всякомъ случаѣ, дальше отъ той точки отрицанія, около которой „сѣверный вопросъ“ удерживался въ наши дни, когда, какъ шутовской колпакъ на Чацкомъ фамусовскаго времени, „влеченіе“ шонеровъ къ идеѣ и ся претворенію въ дѣятельность и дѣло обращается въ клеймо, въ предметъ насмѣшки и пренебреженія,—путемъ произвольной приставки буквы „у“; и люди, беззатѣни „влекомые“ къ благу родной страны, т. е. любящіе ее до той степени, когда говорять „не могу молчать“, и „не могу не дѣлать“,—становятся, просто, людьми „увлеченія“, „увлекающимися“, отъ чего такъ-же близко до перевода ихъ въ разрядъ „авантюристовъ“, какъ „отъ великаго до смѣшного“...

Глубоко правъ Ф. Крыштофовичъ въ своихъ статьяхъ „Примѣръ Аляски“ и „Аляска и нашъ Сѣверъ“. Заканчивая сообщеніе объ опытахъ американцевъ въ районахъ „гораздо болѣе сѣверныхъ“ Архангельска и Устьцильмы, г. Крыштофовичъ говорить: „надѣюсь, я здѣсь приведу факты. Противъ фактовъ, обыкновенно, не спорятъ. Впрочемъ, при добромъ желаніи... Ахъ, если-бы то время и энергія, ко-

торыя въ Россіи уходять на бесплодные споры, были посвящены дѣлу, какъ много было-бы его сдѣлано!“

Однако, эти бесплодные споры—споры о вѣрованіяхъ, игнорирующіе факты,—неизбѣжная, при наличномъ безвѣріи большинства, стадія рожденія и развитія новыхъ истинъ,—причина, почему нельзя не учитывать этой психологической неизбѣжности при обсужденіи и оцѣнкѣ новыхъ идей Въ дни ли зарожденія христіанства, въ дни-ли казни Лавуазье, въ дни-ли наши и грядущіе—но неминуемо, какъ пѣкогда книжники, фарисеи и первосвященники, именно „первые и лучшіе люди народа“ и общества объявляли „фанатиками“ (=„увѣкающимися“) и даже „шарлатанами“ пionеровъ тѣхъ истинъ, которыхъ вскорѣ становились аксіомами и казались „ясными какъ свѣтъ“. И съ этой точки зрѣнія, какъ это ни парадоксально, ростъ травли, вражды, клеветы всегда знаменовалъ собою близкую смерть старыхъ вѣрованій, предвѣщаль торжество новыхъ; и психическая, моральная страданія людей, вносившихъ новыя истины въ жизненное руководство своего народа или всего человѣчества, тягостная нравственный переживанія, преждевременно разрушавшія мозгъ и легкія пionеровъ, —были и будуть необходимыми предтечами родовъ историческихъ истинъ грядущаго. Психологические факторы этого общественного антагонизма—барометръ силы нарождающейся идеи и безсилія тѣхъ, кто безъ вызововъ принимаетъ ее за вызовъ и за посягательство противъ равновѣсія неустойчиваго міропониманія.

„Нѣть пророковъ въ отечествѣ своемъ“... Въ этой истинѣ, вѣчно старой, но вѣчно новой, лишь немногіе суды новыхъ идей и откровеній (открытій) видятъ руководящее предупрежденіе объ опасности „засудить“ то „новое“, которое можетъ и должно дать благо краю, странѣ или человѣчеству. Вспомнимъ, въ этомъ направленіи, хотя-бы знаменитаго Майера, доказавшаго соотношеніе между солнечнымъ свѣтомъ и разложеніемъ углекислоты растеніями,—аксіомическую прикладную истину нашего вѣка. За его признаніе себя христіаниномъ (какъ въ наши дни—националистомъ), не менѣе знаменитый Карль Фочть росчеркомъ полемического пера объявилъ открытия, не имѣвшія ничего общаго съ личными религіозными и политическими убѣжденіями Майера, словами „человѣка выпущенного изъ сумасшедшаго дома“. И (какъ пишетъ проф. Тимирязевъ) „отвергнутый учеными, но сознавая значение своихъ идей, Майеръ вскорѣ сдѣлся посмѣшищемъ и предметомъ преслѣдованій всѣхъ окружающихъ, начиная съ ближайшихъ членовъ своей семьи. Мало по-малу, сложилось мнѣніе, что онъ страдаетъ маніей величія. Можно себѣ представить положеніе человѣка, обреченного на жизнь въ ничтожномъ провинциальному городишку, окруженного завистливымъ злорадствомъ мелочной среды, встрѣчающаго главныхъ враговъ въ самыхъ близкихъ, въ родственникахъ, въ женѣ, находившей, что лучше-бы ему

бросить свои бредни и поболѣе заниматься врачебной практикой,— въ дѣтяхъ, которымъ внушали, что отецъ—полоумный сумасбродъ. Измученный этой мелочной, вседневной борьбой, не встрѣчая нигдѣ справедливости, Майеръ не выдержалъ и впалъ въ тяжкую меланхолію“... и т. д.

По этому трафарету протекаетъ біографія и пionerovъ нашего вѣка, если или („пока“) къ проповѣдуемымъ ими истинамъ нельзя примѣнить „пріемъ“, опредѣленный Гельмгольцемъ четырьмя исчерпывающими словами „la conspiration du silence“, или „конспираціи молчанія“, диктуемой „мелкой завистью цеховыхъ ученыхъ“ (а тѣмъ болѣе провинціальныхъ литераторовъ).

Л. Н. Толстой говорилъ: „надѣяться и вѣрить—главное условіе осуществленія; не вѣрить—главное препятствіе осуществленія“, а „залогъ побѣды—только готовность умереть за истину“.

И наше маловѣрное общество, какъ-бы инстинктивно и подсознательно, травлею и моральными пытками, какъ-бы стремится определить силу истины; и это—требование прогресса—ибо „страданіе—признакъ и причина роста“ и потому „величайшее благо“, и „не росту истины, а росту ея въ наемѣхающемся вредить наемѣшка“. „Человѣкъ слабѣеть, ища силу виѣ себѧ“, и потому-то несправедливости и отсутствіе поддержки—источники силы пionerovъ, вѣра и сила которыхъ растутъ по мѣрѣ роста, въ той или иной формѣ травли, расчитанной на парализацію ихъ... „Трудно злымъ предполагать въ другихъ доброе: таково ужъ свойство добродѣтели, что она, обыкновенно, въ людяхъ злыхъ возбуждастъ къ себѣ ненависть“ только, мы основанія для той ненависти ищемъ не въ томъ, кто ненавидитъ, а въ томъ, кого ненавидятъ, и забываемъ стереотипную въ исторіи прогресса истину словъ Шиллера о томъ, что „мѣриломъ справедливости не можетъ быть большинство голосовъ“.

Если я позволяю себѣ такъ много мѣста удѣлять этой психологической сторонѣ, то—по двумъ причинамъ: во первыхъ—эта сторона неразрывно связана со всѣмъ грядущимъ нашего Сѣвера и долго еще будетъ служить сгущеннымъ мрачнымъ фономъ для развивающейся массовой переоценки національного сѣверопониманія; съ другой стороны—вoleю судьбы и силою обстоятельства, я—одинъ изъ подсудимыхъ грядущей исторіи Сѣвера и, пользуясь тѣмъ, что истекаетъ десять лѣтъ со дня моего первого общественного выступленія, я хотѣлъ замкнуть этотъ періодъ нѣсколькими строками, которые, за вѣдомо, „гласъ вопіющеаго въ пустынѣ“ въ дни моей жизни, но будуть учтены исторіею грядущаго русскаго Сѣвера, призванного судить меня среди прочихъ, преступившихъ противъ традиціи и рутины силою вѣры въ Сѣверъ и влеченія ея.

И я вновь повторю, что къ „сѣверному вопросу“, въ наличномъ его положеніи, вполнѣ примѣнимо сказанное величайшимъ физикомъ

нашего времени (авторомъ „Эволюція матерії“) Лебономъ: „Вѣчная истина заключена въ словахъ Ламарка, сказавшаго: „каковы-бы ни были трудности при открытии новыхъ истинъ, еще труднѣе заставить ихъ признать“. Подобная изслѣдованія, подкапывающіяся подъ корни нашихъ знаній, потрясающія вѣковыя научные знанія, обыкновенно вызываютъ раздраженіе, или ихъ обходятъ молчаніемъ („La conspiration du silence!“) до момента, пока ихъ подробно не воспроизводятъ многочисленные испытатели. Они тогда становятся настолько разбросанными и обыкновенными, что трудно указать на ихъ инициатора. Но—неважно, что сѣявшій не жнетъ, достаточно, что жатва растетъ“.

То-же, иными словами, констатировано великимъ мудрецомъ—христіаниномъ: Всякая значительная истина для того, чтобы войти въ сознаніе людей, должна *неизбѣжно* пройти *три ступени*. Первая ступень: „это такъ нелѣпо, что не стоитъ и обсуждать“. Вторая ступень: „это безнравственно“ (или—„шарлатанство“, „авантюра“, „симуляція“, „фанатизмъ“ etc.). Третья ступень: „да это давно уже всѣмъ извѣстно“.

Въ частности, въ „сѣверномъ вопросѣ“, какъ захватившемъ всѣ интеллектуальные слои нашего общества, на-лицо всѣ три ступени, и это показываетъ съ несомнѣнностью, что, во-первыхъ, въ положеніяхъ пионеровъ этого вопроса заключено не заблужденіе, а *истина*, и что, во вторыхъ, истина эта для нашей родины дѣйствительно значительна.

Еще Маркъ Аврелий сказалъ: „Помни, что измѣнить свое мнѣніе и слѣдовательно тому, что исправляетъ твою ошибку,—болѣе соотвѣтствуетъ свободѣ, чѣмъ настойчивость въ своей ошибкѣ“. Но на это нужны тѣ сила воли и благородство, которыя, если бы они были, уничтожили-бы „вѣчную истину“ психологического антагонизма съ его неизбѣжными „тремя ступенями“.

Иначе быть не можетъ. „Человѣкъ, желающій служить правдѣ и справедливости, долженъ быть готовымъ оставаться въ одиночествѣ“, ибо, съ одной стороны, это одиночество—вѣрнѣйший показатель правой вѣры, а съ другой, какъ выразилъ Герберть Спенсеръ, „нѣтъ такой политической алхіміи, посредствомъ которой можно бы было получить золотое поведеніе изъ свинцовыхъ инстинктовъ“ и „чѣмъ больше будутъ вѣрить люди въ то, что они могутъ быть приведены чѣмъ-то внѣшнимъ, дѣйствующимъ само собою, помимо ихъ воли, къ измѣненію и улучшению своей жизни, тѣмъ труднѣе совершился это измѣненіе и улучшеніе“.

Люси Малори все ту-же „вѣчную истину“ психологіи идеяного антагонизма формулировалъ такъ: „Когда истина представляется ея врагамъ въ неопровергимой (фактами) формѣ, тогда они пускаются въ ходъ послѣднее средство, имѣющееся въ ихъ распоряженіи: это очерненіе людей, выражаютъ истину. Но, закидывая грязью людей, вы-

ражаютъ истину, они лишь покрываютъ землей сѣмя истины. и оно вырастаетъ тѣмъ быстрѣе“.

И этотъ „пріемъ“ уже на-лицо въ „полемикѣ по сѣверному вопросу“; и въ немъ, опять-таки, залогъ силы и роста новой истины о „Приполлярной Россії“.—Правъ Паскаль, сказавъ, что „зло есть лишь невидимое нами по близорукости благо“...

И долго еще, вѣроятно, несмотря на примѣры американского Сѣвера, на факты дѣйствительности, на логику науки, на указаніе забываемаго прошлаго и исторіи, будуть раздаваться поразительныя предостереженія „не воевать съ природою“, объявление химерическімъ травосѣянія — основы раціональныхъ луговодства и хлѣбопашства, запугиванія жупелами рутины — „болотами“, которыми будто-бы являются „туидры“, и отсутствіемъ „готовыхъ угодий“ въ связи съ „трудностью меліорациі“, какъ-будто-намъ, русскимъ людямъ XX-го вѣка, „трудно“ до „невозможности“ то, что является основою быта Финляндіи, Швеціи, Норвегіи, Канады и что не было „труднымъ“ для русскихъ-же землемѣльцевъ XVI-го вѣка, начавшихъ „культуру“ и „меліорацию“ (а не-просту — расчистку и распашку) иныѣнней „житницѣ Урала“ тогда, когда она была еще „болотистымъ“ и бесплоднымъ“ краемъ, когда, конечно, край далеко не изобиловалъ „готовыми угодьями“, несуществующими тамъ, гдѣ царятъ лѣса и нѣть населенія; будуть говорить о „громадныхъ заливныхъ прирѣчныхъ полосахъ“ не какъ о величайшемъ ресурсѣ возможностей раціонального скотоводства, а какъ о пренятствіи для заселенія края, какъ долго будуть еще говорить „съ пѣною у рта“ за стадное землепользованіе и противъ того индивидуального, личнаго землепользованія, на которомъ основанъ столь сказочно-быстрый экономический ростъ Америки, о которомъ Теодоръ Рузельтъ сказалъ: „Усиѣхъ отдельныхъ лицъ по устройству своего хозяйственнаго благополучія во всей нашей исторіи имѣлъ другое имя — *созиданіе націи*“ — созиданіе принципа, который у насъ въ Россіи, наоборотъ, стремится нивелировать и разрушить, почитая национальное единеніе за признакъ дикарства, а не прогресса, и противопоставляя чувству любви къ Россіи и къ ея грядущему антагонистическому, противоположному каноническому культи — культи национального самопрезирания, принципъ отсутствія идейныхъ „влеченій“ съ предрѣшеннымъ отрицаніемъ русской исторической самобытности и съ озираніемъ на авторитетъ „Европы“, въ которомъ сквозитъ полный искренняго драматизма вопросъ: „Боже мой! что скажетъ княгиня Марья Алексѣвна“?! равнодушная къ Россіи и ради опасенія со стороны которой приговора „*fi, mais done!*...“, люди, какъ мѣтко выразился Паскаль, „готовы быть трусами, только-бы

прослыть за храбрыхъ“, стать измѣниками своего народа, только бы не прослыть „отсталыми“, „варварами“...

И этотъ культь національного равнодушія и самооплесванія грозить привести насть и въ области разрѣшенія „сѣвернаго вопроса“ на благо всей Россіи, какъ и въ областяхъ другихъ нашихъ мѣропріятій и начинаній,—къ тому „культу формы“ и культу вѣчнаго „завтрашняго дня“, въ резулѣтатѣ котораго наши экономическія заданія, вертясь, какъ болѣка въ колесѣ, остаются безъ абсолютнаго поступательнаго движения, несмотря на всю энергію относительно движения и при всей возрастающей, тѣмъ временемъ, разницѣ между экономическимъ благополучіемъ Россіи и другихъ державъ-конкурентовъ; а приглашенія къ „осторожности“, къ непротивленію „естественному положенію вещей“ и ихъ инерціи къ „невоеванію съ природой“, въ завоеваніи и использованіи возможностей которой—„единое на потребу“ Россіи,—все это приводить ко всѣмъ траги-комическимъ историческимъ результатамъ „мѣропріятій“ крыловскаго „квартета“.

И не опасаясь повтореній, я снова приглашаю русскихъ людей сравнить тѣ строфы, какія внушила любовь къ краю финляндскимъ поэтамъ,—съ наимѣнѣемъ русскимъ четверостишіемъ.

Финский гимнъ Сѣверу гласитъ:

Нашъ край, нашъ край,—родимый край!
Греми, о, кликъ, святой!
Какихъ намъ горъ, долинъ ни дай,
Какихъ волна сторонъ ни знай,
Гдѣ любятъ такъ свой край родной,
Какъ любимъ сѣверъ свой!
Убогъ нашъ край, и будь такимъ
Корыстному душой!
Чужой—кичаешь, пройдеть предъ нимъ,
— По миль онъ, миль сынамъ своимъ...
Намъ миль пахоры, боръ густой,—
Тамъ край нашъ золотой!
Мы любимъ говорѣть рѣкъ своихъ,
Своихъ ручьевъ полетѣ,
Унылый шумъ лѣсочъ густыхъ,
Сияніе лѣта, зиѣздъ ночныхъ;
Все, все, что взглянѣть иль пѣснь даетъ,
Чѣмъ сердце здѣсь живетъ!
Здѣсь мыслю, плугомъ, здѣсь мечемъ
Отцы вели свой бой;
Здѣсь... здѣсь во тьмѣ и яснѣмъ днемъ,
Равно покоинъ, твердъ во всемъ,
Здѣсь сердцемъ иль народъ родной,
Здѣсь финнъ несъ жребій свой.

Въ этихъ строфахъ чувствуется то „увлеченіе“, которымъ, правда, не дышитъ русское четверостишіе, исчерпывающее свою оценку четверти площади всей Европейской Россіи словами:

„Вотъ Архангельскъ, вотъ Пинега,
Все болота да лѣса!—
Пронадай-жъ моя телѣга,
Всѣ четыре колеса!“.

Смѣшино-ли это сравненіе? Не больно-ли за него? Приступая къ лѣту съ такого рода „девизомъ“, мы не уйдемъ никуда и, конечно, „телѣга“ экономического и нравственного развитія нашей отчизны пропадетъ со „всѣми четырьмя колесами“ въ безотрадномъ и без-исходномъ „болотѣ“ нашей безздѣятельности, нашего национального разъединенія, нашей пессимистической пассивности, боящейся того „увлеченія“, которое есть лишь любовь къ Россіи и стремленіе къ „познанію Россіи“ на благо поколѣній, грядущихъ намъ на смѣну, —любовь къ Россіи, большая, чѣмъ тімпти нравственности —законъ“ любовь, доказуемая не словами, а дѣлами, и для которой жертва и самоотреченіе —непреодолимая потребность, —любовь, безъ существованія которой нѣть исхода изъ магического круга плачевыхъ резуль-татовъ культа „формальнаго“ и ограниченного номинального служенія грядущему своего народа. И кто не полюбить, любя Россію, русскій Сѣверъ такъ, какъ любятъ свой, болѣе суровый, Сѣверъ финляндцы, —тотъ не сможетъ сдѣлать для этого огромнаго забытаго Края то, что въ силахъ сдѣлать лишь вѣра и любовь и что бессильно сдѣлать формальное „служеніе въ предѣлахъ устава гражданской службы“ или снисходительныхъ циркуляриныхъ нормъ, вынужденныхъ энергичное исполненіе долга считать за заслугу, т. е. за исключеніе.

Но —уже сдѣланы первые шаги правительства къ экономическому развитію русского Сѣвера, и, какъ ни робки, какъ ни микроскопичны, какъ ни несоразмѣрны еще эти шаги по сравненію съ общегосударственными интересами Россіи на Сѣверѣ, —тѣмъ не менѣе, это уже не прежніе палліативы, а дѣйствительные шаги впередъ. И „вѣч-ная истина“ психологического антагонизма можетъ замедлить процессъ, но не сможетъ удержать раздирающуя силу исторической эволюціи завѣсу предразсудковъ, предубѣждений и, вольныхъ и не-вольныхъ заблужденій, декорированную физико-географическими и статистическими абсурдами и скрывающую не только тѣ возможности, не учитывая которыхъ нельзя „познать Россію“ и сознательно двинуть ее на путь экономического и политического прогресса, но и фактическую дѣйствительность, несравненно болѣе отрадную, къ счастію, чѣмъ царило о ней представление.

И уже близка „третья ступень“ для пестины о грядущемъ русскаго Сѣвера.

Не страшно уже за грядущее Сѣвера... Но —страшно за то его „прошлое“, которое такъ необходимо для национального самоопредѣле-

нія и останки, реликвій котораго такъ зловѣще быстро и невозвратно исчезаютъ;—за реликвій *этнографіческія*, вещественныя, реликвій того кочевого быта, который едва сохранился еще въ Печорскомъ Краѣ и отъ котораго такъ глубоки, однако, психологическая слѣды въ бытовомъ укладѣ и русскаго народа и русской интеллигенції, главное-же, — который налагаетъ столь специфический отпечатокъ на сельско-хозяйственный бытъ современаго крестьянства нашего Сѣвера.

Этнографія—чрезвычайно важная отрасль знанія, ибо безъ нея было-бы невозможно познать то прошлое и своего народа и всего человѣчества, безъ познанія котораго немыслимы самосознаніе, национальное самоопределѣленіе, пониманіе психологическихъ законовъ текущихъ историческихъ событий и моментовъ, ихъ оцѣнка и, главное, сознательное эволюціонно-историческое развитіе государства.

Немыслимо понять развитіе организма, какъ такового, со всѣми его чрезвычайно сложными видовыми, расовыми и индивидуальными признаками и свойствами, —безъ отчетливаго пониманія эмбріологии, безъ изученія низшихъ и раннихъ моментовъ, или ступеней развитія „аб ово“.

Вѣдь не только органы и материальная соединенія или сочетанія явились результатомъ, слѣдствiemъ прогрессивнаго развитія, роста и усложненія (дифференціаціи) опредѣленныхъ зародышей, но и сами явленія, сами свойства матеріи, организмовъ и сообществъ развились изъ зародышей этихъ явленій, изъ зачатковъ этихъ свойствъ—зачатковъ мельчайшихъ, элементарныхъ порознь, порою, столь-же непохожихъ, ни по формѣ, ни по существу, на результатъ развитія, на совокупность, какъ не похожи, напримѣръ, видъ и свойства бураго удушливаго газа-хлора (*Cl*) и металлическаго натрія (*Na*) на видъ и свойства ихъ соединенія—блѣснѣжной поваренной соли (*Na Cl*). Мало похожи икринка или головастикъ на лягушку, яйца—на курицу, яичный блокъ—на птичьи перья, жолудь—на гигантскій дубъ; но первые суть зародыши вторыхъ.

Вѣдь и алхімія была мало „похожа“ на современную аналитическую хімію, „філософскій камень“ быль такъ мало похожъ на открытія Рамсая или Лебона, „астрологія“ была такъ далека до современной астрономіи, перерожденной Коперникомъ и Кантомъ-Лапласомъ и т. д. Но—безъ этихъ зачаточныхъ, полныхъ наивными нелѣпостями, бывшихъ „наукъ“ культа не явилось-бы и ихъ перерожденія въ современная точная знанія, въ которыхъ неясные, подсознательные предчувствія колективнаго ума „дѣтей человѣчества“ подчинились экспериментальнымъ воспроизведеніямъ и математическимъ выраженіямъ, универсальнымъ отвлеченнымъ символамъ.

Такъ и этнографія есть, собственно, эмбріология (исторія развитія) человѣческихъ—быта, идеаловъ, вѣрованій, міропониманія.

Какъ безконечно далекъ былъ идолъ фетишиста отъ Великаго Бога современаго человѣчества! но—безъ жалкаго кеменного или деревяннаго фетиша человѣкъ не смогъ-бы дойти до идеи Бога—идеи вѣчныхъ проблемъ сверхвида, идеи высшихъ идеаловъ личнаго и общаго совершенствованія, предѣла иознанія безначальной міровой безконечности!

Въ „дѣтствѣ человѣчества“—основы для иознанія и направлениія грядущихъ путей человѣчества. Въ эпоахъ „дѣтства Россіи“—путь къ познанію Россіи, къ контрольному познанію тѣхъ историческихъ явлений нашей современности, которые представляются намъ фатально сложными и не подчиненными правящей волѣ народа, но корни которыхъ просты и элементарны, какъ начальная клѣтка сложнѣйшаго организма: зародыши общественныхъ „золь“—въ личныхъ каждого и всѣхъ.

И мы обязаны всемѣрно воспользоваться опытами сѣдого прошлаго, и чѣмъ ближе къ зародышамъ этого прошлаго мы проберемся, тѣмъ сознательнѣе, вѣрнѣе и увѣреннѣе пойдемъ „впередъ“!

Кому не ясно значеніе исторіи, въ смыслѣ вѣрнаго личнаго, національнаго, международнаго и общечеловѣческаго самосознанія!

А между тѣмъ,—гдѣ корни этой исторії? вѣдь они никогда и нигдѣ не были записаны, они не дошли до насъ даже въ пережиточной формѣ легендъ и преданій, хотя-бы искаженныхъ, облеченныхъ въ не свойственную имъ анахроническую или полусовременную форму міропониманія.

Эти корни—въ языкахъ (нарѣчіяхъ), въ бытѣ и въ культе первобытныхъ народовъ.

А разъ это такъ, то кому не ясно, что именно Приполлярная Россія заключаетъ въ себѣ послѣдніе останки (реликвіи) этихъ корней, готовыхъ уже навсегда отмереть, безслѣдно исчезнуть и стереться или переродиться въ новыя формы, до неузнаваемости и несравнимости, ни по существу ни по формѣ не похожіе на то, чѣмъ были они прежде, когда питали вымершее міросозерцаніе, вымершіе кругозоры и идеалы.

Эмбріологія, сравнительныя ботаника и зоологія, палеонтологія, физика и химія, кристаллографія, петрографія—эти науки всегда могутъ, совмѣстными усилиями, развивать и двигать пониманіе и познаніе далекаго матеріального иронлага; окаменѣлые аммониты, трилобиты, спириферы, криноиды и т. д. не исчезнуть, какъ не исчезнутъ амѣбы и инфузоріи, бактеріи и дикотомеи.

Но матеріалы по иаляентологіи человѣческихъ быта и культа, деревянныя и костяныя вещи, сдѣланыя рукой первобытнаго чело-

вѣка — эти вещи слишкомъ недолговѣчны; а еще менѣе долговѣчны связанные съ ними принципы, обычаи, вѣрованія.

Прошлое многихъ предметовъ удается возстановить лишь исключительно счастливому случаю или даже лишь по филологическому анализу, какъ и прошлое цѣлыхъ областей, на особенное значение изученія которыхъ для самопознанія „славяно-россійского народа“ указывалъ еще, въ своихъ обширныхъ „путевыхъ запискахъ“ по нашему Сѣверу, академикъ Лепехинъ въ 1772 году.

Такъ, даже большинство современныхъ сѣверо-восточныхъ полярныхъ сомоѣдовъ, напримѣръ, не сможетъ уже вамъ объяснить не только культовыхъ мотивовъ орнаментовъ (вышивокъ, рѣзбы, инкрустаций), но и почему у куклы, вместо головы, гусиный клювъ, почему у женской самоѣдской шубы — „панцы“ подолъ — „панда“ изъ собачьей, а не иной, шкуры, почему у божественныхъ „сядейныхъ“ саюкъ (для божковъ) именно 7 копыльевъ съ каждой стороны, у женскаго божка — двѣ пары кось, и т. д. и т. д.

Или возьмите, напримѣръ, туземные названія табакерки, порохницы, черепа, стрѣлы и т. д.; — переведите эти названія: деревянную табакерку вамъ назовутъ „деревянная табачная кость“ (пя-табаклы), мѣшую пороховницу — „мѣдная пороховая кость“; — ясно, что еще исторически не такъ давно было время, когда всѣ эти вещи дѣлались изъ кости, когда не были въ употребленіи даже металлы и даже дерево, не поддававшееся тонкой отѣлкѣ при помощи кремневыхъ и костяныхъ орудій, не употреблялось для выѣлки мелкихъ предметовъ обихода.

И дѣйствительно, въ 1905—1907 годахъ удалось доставить въ музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ много древнихъ сѣверо-печорскихъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ костей и зубовъ мамонта, моржа, бѣлаго медвѣдя, оленя; но, какъ и огромное большинство предметовъ, освѣщающихъ вымерший и вымирающій культъ самоѣдовъ и др. ино-родцевъ крайняго Сѣвера Россіи, добыть эти предметы удалось лишь съ большимъ трудомъ и лишь, какъ исключительная рѣдкость; — эпоха костяной индустрии быстро вымираетъ окончательно и, т. к. кость разрушается быстрѣе и легче металловъ, слѣды этой позднѣйшей эпохи съ сопровождавшими предметы слѣдами „духа времени“ исчезаютъ навсегда, тогда какъ предметы культуры болѣе древнихъ — чудские (металлические) и кремневые (неолитические) сохраняются въ курганахъ и въ мѣстахъ становищъ давно вымершихъ свидѣтелей „дѣства Россіи“.

А разсмотрите географическія названія — рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, бухтъ, хребтовъ, сопокъ, вершинъ, утесовъ! — Еще почти полтораста

лѣтъ назадъ призывалъ къ аналитическому изученію этихъ названій, пока не поздно, академикъ Лепехинъ.—Какъ ужасно они перефразированы, искажены, до невозстановимости и непереводимости, и сколькихъ уже ни одинъ изъ туземцевъ не можетъ объяснить вамъ, что они значатъ.

Еще нетрудно восстановить такія вещи, какъ нарицательное „парма“—„Пеур-маа“ (оленья земля, Пермь), „Ижма“ (рѣка)—„Изъ ва“ (каменистая рѣчка), „Пижма“—„Пыж ва“ (людоциная рѣчка) и т. п. Но никакимъ логическимъ анализомъ вы не разыщите, что „Хайпудыра“ слѣдуетъ читать „Хэудэ-подэр“ (проклятый перелѣсокъ), а стало быть, и что обозначаетъ наименование рѣки, нынѣ именуемой „Хайпудыра“. Или извольте восстановить, что оз. „Торовье“ слѣдуетъ читать „Тор и Бей“ или „Саввсей“—„Саун-сѣда“, „Талата“—„Таутаяга“, „Кара“—„Хорэй яга“, „Цильма“—„Елль маа“ и т. д.

Но мы плохо сознаемъ значение старины и незаписанной исторіи, т. к., какъ въ личной жизни, такъ и въ жизни государственной (—равнодѣйствующей личныхъ жизней), мы привыкли учитывать лишь „непосредственную“ опасности или выгоды, игнорируя „косвенную“ и забывая, что именно въ послѣднихъ скрыты элементы, корни и первопричины и зла и блага жизни, какъ сложного цѣлаго изъ элементарныхъ „частностей“. И можно съ полной увѣренностью сказать, что каждый годъ уничтожается навсегда немало драгоценнѣйшихъ переходныхъ звеньевъ, многія изъ которыхъ мы *никогда* не сможемъ представировать или же для реставраціи (возстановленія) которыхъ придется производить много напряженныхъ специальныхъ изслѣдований, сравнений, сопоставлений...

Въ этой статьѣ помѣщено нѣсколько снимковъ съ фотографій научно-интересныхъ предметовъ быта и культа самоѣдовъ, населяющихъ крайній полярный сѣверо востокъ Нечорского Края.

Рис. 1-й изображаетъ инкрустациіи, сдѣланные самоѣдовъ на черенкахъ ножей (и на табакеркѣ изъ коровьяго рога), оловомъ по дереву; глубокій орнаментъ, заливаемый оловомъ, вырѣзывается узко-клиновымъ ножемъ, который называется, по-самоѣдски, „ли-харь“; выпуклости олова, затѣмъ срѣзываются и соскабливаются, а дерево протирается (чернится) сырой сажей или растительной черной мастикою. Мотивы орнамента, пося характеръ финский, древне-русский или тюркский, бываютъ очень эффектные и сложные, но всегда стилизованы, выдержаны, тогда какъ на предметахъ русскихъ и зырянскихъ, особенно въ бойкихъ торговыхъ районахъ, носятъ уже отпечатки подчиненія „модѣ“ далекихъ и чуждыихъ, „онѣмеченныхъ“, „разрусѣлыхъ“

краевъ Россіи (на крайнемъ Сѣверѣ всѣхъ иностранцевъ, будь то норвежцы, англичане или даже французы соединяютъ въ общую коллективную группу „нѣмцевъ“).

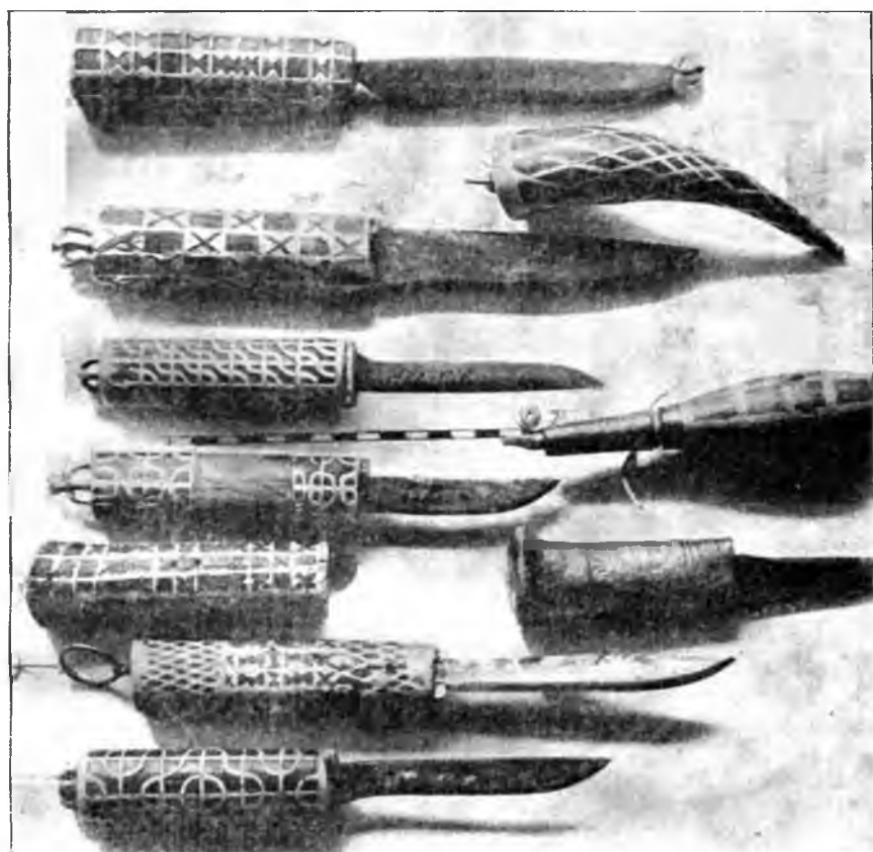

Рис. 1.

Рис. 2-я изображаетъ нѣкоторые типы самоѣдскихъ орнаментовъ на мѣховыхъ мѣшечкахъ „патко“ и „тучу“ (тучейко). Въ Академію Наукъ доставлены—къ прискорбю, въ значительной части ушедшая изъ Россіи за-границу—обширнейшая коллекція этихъ мѣховыхъ мѣшковъ и мѣшечковъ, чрезвычайно разнообразная и по размѣрамъ (отъ величины наперстка до размѣровъ внушительного куля), но особенно цѣнная по разнообразію, по количеству разновидностей (варіацій) орнаментовъ,—узоровъ бѣлымъ мѣхомъ по темному и темнымъ по бѣлому. Интересные разновидности мѣховыхъ узоровъ (самоѣдскихъ и зырянскихъ) удалось добыть и для Царско-сельской юбилейной выставки 1911 года, среди экспонатовъ которой, приобрѣтенныхъ

спеціально для выставки по порученю Царско-сельского Дворцового Управления (комитета выставки), оказалось много типовъ орнамента, отсутствующихъ въ русскихъ этнографическихъ коллекціяхъ. Къ со-

Рис. 2.

жалѣнію, приводимая фотографія не включаетъ ряда замѣчательно эффектныхъ, сложныхъ и тонкихъ узоровъ крупныхъ „патко“, хранящихся въ Академіи Наукъ (съ древне-финскимъ орнаментомъ). „Патки“ и „тучейки“, различаясь по формѣ (ширина первыхъ больше длины, а вторыхъ—наоборотъ), различаются (бытовые оригиналы) и по типу орнаментовъ; однако, послѣдняя различія въ западныхъ и южныхъ районахъ Печорского уѣзда уже стушевываются или исчезаютъ вовсе; имъ видѣ редикюлей или кисетовъ и сумокъ, они служатъ для помѣщенія женскаго скарба, работъ, украшеній, талисмановъ, куколь и предметовъ культа (божковъ). На древнихъ самоѣдскихъ тучейкахъ (какъ и на женскихъ шапкахъ, затылокъ которыхъ изображаетъ птицу) орнаментъ, несомнѣнно, культового значенія, но въ настоящее

время значение это утрачено, забыто и самый орнаментъ выродился или даже вовсе смѣнился, хотя и болѣе эффектнымъ и сложнымъ, но ужеболѣе индивидуально-эстетическимъ, чѣмъ национально или исторически-стильнымъ. По большемъ коллекціямъ, сравнительно, легко прослѣдить „вымирание“ столь характерныхъ, въ частности, для тучейко-парныхъ боковыхъ косыхъ клиньевъ, вырождающихся въ вульгарные и безличные „интернациональные“ фестоны и т. п. Обыкновенно патки и тучейко-щются изъ оленья яго мѣха (пижика, неплюя, оленыхъ лбовъ, оленыхъ камысовъ“, т. с. ножныхъ шкурокъ); но встрѣчаются патки, сшитыя изъ шку, рокъ лисицы, песца, бобра, тюленя (нерпы, сѣрки, бѣльки), куницы, соболя, горностая; очень эффектны бываютъ „патки“, орнаментированные коньт-

Рис. 3.

цами новорожденныхъ олешковъ,—„пижиковъ“, а также сшитые изъ шкурокъ фюлотово-зобой полярной гагары (*Scolopus arcticus*) и гаги или изъ шкурокъ мелкихъ звѣрьковъ—полярной пеструшки —лемминга (*Myodes*) и земляной бѣлки (бурундук)—„орды“ (*Tamias*). Отнюдь не поражаютъ красотою, но очень оригинальны патки, сшиты изъ шкуръ налимовъ (шкуры налимовъ самоѣды умудряются еще „выдѣлывать“, такъ что онѣ становятся желтовато-бѣлыми).

Рис. 3-й изображаетъ 4 предмета: а—дощечка съ родовыми клеймами большеземельскихъ самоѣдовъ, б—костяная спиночесалка, в—часть деревянного календаря—„рубежа“, на которомъ косыя вы-

рѣзки обозначаютъ „воскресенье“, а ямки—важнѣйшія праздники; палочка изготавляется на цѣлый годъ (тогда она четырехъ или шести граня) или на полугодіе и истекшіе дни отмѣщаются путемъ

рѣзки ножомъ праваго края до рубежа „завтрашняго дня“, Г—ножъ „пя-харь“, о которомъ говорилось выше.

Рис. 4-й изображаетъ женское самоѣдское головное ука-
рашеніе, вплетаемое верхними (суконными) концами въ косы и именуемое „тане“; длина кось—отъ затылка до бедеръ, а вѣсъ благодаря стальнымъ и латуннымъ цѣпямъ, подвѣскамъ (величиной отъ пятака до блюдечка) и массивнымъ бусамъ достигаетъ 12 и даже 18 фунтовъ, при чемъ подъ нижнимъ ярусомъ цѣпей косы перетягиваются шерстянымъ поясомъ, спереди вплетаемымъ въ „контрь-грузъ“—въ огромное латунное колесовидное кольцо, вѣсящее не сколько фунтовъ и достигающее размѣровъ тарелки. Косы свѣшиваются поверхъ орнаментированной, мѣховой (зимою) или суконной (лѣтомъ) „паницы“ и производятъ дикое, но, тѣмъ

Рис. 4.

не менѣе, эффектное впечатлѣніе исторической, национальной „моды“, стильности. При движеніяхъ самоѣдки цѣпи, бусы и подвѣски тане и шапки звенятъ и бряцаютъ... Иногда, въ качествѣ подвѣскъ, попадаются украшенія, довольно-таки неожиданныя и сомнительного эстетического достоинства, какъ, напримѣръ, кусокъ стеклянной пробки отъ графина или дужки отъ утюга; но и это, конечно, производить свой шумъ—что и требуется отъ женского наряда.

Рис. 5-й изображаетъ типичную самоѣдскую куклу-дѣвочку (съ „тане“) въ натуральную величину, въ мѣховой шубкѣ—„наїаки“.

Рис. 6-й—куколки въ „зыбкахъ“ (люлькахъ).

Настоящая самоѣдская кукла состоить изъ суконной (2×1 верш.) полоски, обшитой спереди вертикальными разноцвѣтными полосками сукна (числомъ по возрасту ребенка), къ которой сверху нашивается лобная шкурка съ клювомъ гуся, турпана (морской казарки) или утки. Если кукла — „дѣвочкѣ“, то шубка ея обшивается „пандою“ (подоломъ) изъ оленяго или несцвѣтаго мѣха, под дѣланнаго подъ собачий (болѣе длиннаго, чѣмъ мѣхъ шубы). Почему „подъ собачий“? это — неспроста, а по легенѣ, гласящей слѣдующее: Богъ сотворилъ, послѣ всякой прочей животности, человѣка-мужчину и въ вѣрнѣйшіе друзья ему создалъ собаку. Первая собака была голая, безъ шерсти, какъ и человѣкъ, и оберегала своего хозяина отъ дьявола, упор-

Рис. 5.

но пытавшагося пробраться въ чумъ самоѣда и плунувъ на него, покорить грѣху. Собака не пускала дьявола въ чумъ. Чего-чего только не предпринималъ дьяволъ, — морилъ собаку голодомъ и затѣмъ подбрасывалъ жирную кость; но собака не отходила отъ входа въ чумъ. На послѣднее средство пустился демонъ: — напустилъ лютый морозъ. Собака коченѣть, дрожить, а все не впускаетъ дьявола въ чумъ. Дьяволъ еще усилилъ морозъ, подошелъ къ собакѣ сзади и началъ осторожно ее гладить, — собака при этомъ поросла шерстью, ей стало тепло, она обрадовалась, завиляла хвостомъ, и впустила въ чумъ демона, который плунулъ въ лицо спавшему самоѣдину и сдѣлалъ его склоннымъ къ злу. Внѣслѣдствии самоѣдка узнала все это, задушила собаку, содрала съ нея шкуру и обшила этой шкурой свою паницу. —

Съ тѣхъ воть поръ—женскія самоѣдскія паницы и обшиваются собачьей шкурой...

Въ музей Академіи Наукъ было доставлено нѣсколько сотъ самоѣдскихъ куколъ; разновидностей въ этой коллекціи очень много, много и переходныхъ ступеней, доходящихъ вплоть до полнаго уча-

Рис. 6.

стія прежнихъ религіозныхъ признаковъ,—даже вплоть до замѣны птичьаго клюва деревянною чуркою, монетой, ситцевымъ уголкомъ; и лишь съ большимъ трудомъ возможно по этимъ предметамъ уловить прошлые принципы, ихъ давняго возникновенія и первоначального назначенія. Теперь самоѣдская кукла—простая дѣтская игрушка; но прежде она служила дѣтскимъ божествомъ. Пока о прошломъ куклы известно лишь немногое: она—божество, посвящаемое ребенку; голова птичья у нея потому, что птица (водяная, т. е. перелетная) считалась улетающею ежегодно далеко-далеко къ Богу (Нуму) и, какъ

„невинная“, посвящалась, въ качествѣ покровительницы, ребенку; впрочемъ, „бѣзгрѣшнымъ“ ребенокъ считался только до того времени, когда у него прорѣжутся коренные зубы, почему трупъ младенца, у которого еще нѣтъ зубовъ, не хоронили въ землю (—вѣрнѣе на землю, такъ какъ и трупы взрослого не закапывали, а клади въ гробъ-сундукъ или на сани и оставляли на вершинѣ холма), а подвѣшивали къ зыбкѣ (люлькѣ) къ вѣткѣ дерева или къ „хорею“; младенца же, имѣющаго зубы, хоронять какъ взрослыхъ, только на трупъ, кромѣ продуктовъ—„подорожниковъ“ на время путешествія „на тотъ свѣтъ“, кладутъ предметы, характеризующіе дѣтской возрастъ—куклы, маленькая „патко“, бубенчикъ или колокольчикъ; послѣдніе предметы (какъ и сани—„утицы“ или „аргишъ“), однако, предварительно обращаютъ въ негодность, въ смыслѣ непосредственнаго ихъ назначенія, т. е. повреждаютъ—чтобы, какъ объясняютъ одни, на эти вещи не позадорились живые люди и тѣмъ не лишили бы возможности покойниковъ благополучно доѣхать до „того свѣта“, а по объясненіямъ другихъ—чтобы „на томъ свѣтѣ“ тѣ-же предметы были выданы не подержаные, а совершенно новые и лучшіе, вѣчные, нетлѣнны.

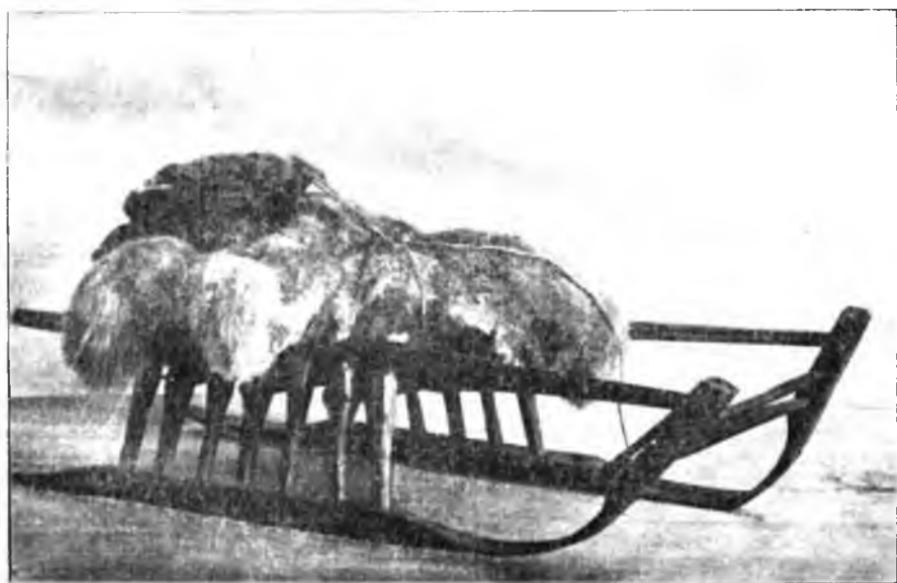

Рис. 7.

Рис. 7-й божественные („слоѣйныя“) санки (аргишъ), о семи парахъ копыльевъ, съ каменнымъ божкомъ (осколкомъ священного утеса) „хэгомъ“, завернутымъ въ лобную шкурку священнаго жертвенного оленя, „менурея“.

Рис. 8-й— древнейший шаманский (тадебейский) бубенъ („пенцеръ“, „пенчкерко“), добытый въ 1905 году на крайнемъ съверо-востокѣ Большеземельской тундры и нынѣ хранящійся въ музѣи антропологии и этнографии при Императорской Академіи Наукъ.

Рис. 8.

безплотны... Шаманство еще держится среди кочующихъ самоѣдовъ и въ нани дни, хотя предметы шаманского культа сильно выродились. Однако прогрессъ и сношения, съ мѣновой торговлею, дѣлаютъ свое дѣло, какъ это бываетъ со всяkimъ культомъ; искреннее идололоженіе, утративъ свое существо и сохраняя еще кое-какъ форму, превращается уже въ сознательное шарлатанство и въ эксплуатацию суевѣрій дюжинныхъ дикарей, для которыхъ, въ отличие отъ жрецовъ ихъ культа, „идоло-служение“ является еще синонимомъ „идеало-служенія“, т. е. служенія богамъ; если вѣрующіе въ кастовую силу шамановъ еще существуютъ, то вѣрующихъ жрецовъ-шамановъ, во всякомъ случаѣ, уже не стало на съверѣ Большеземельской тундры. Изображенный на фотографии пенцеръ—не только

тростообразно сходящихся (потрясательныхъ) планкахъ этого пенцера — рельефныя изображенія семи главныхъ духовъ „тадебжіевъ“, — духовъ, наяву видимыхъ только однимъ жрецамъ—шаманамъ (тадебеямъ, арамъ) въ моментъ ихъ изступленія или самоистязанія (нынѣ, всегда фиктивнаго, симулированнаго), такъ какъ для „простыхъ смертныхъ“ эти духи (въ отличие отъ другихъ, оборотней)

„прозрачные“, т. е.

„рѣдкость“, но уже и, безусловно, послѣдній уцѣлѣвшій экземпляръ этого типа: нынѣ встрѣчающіеся шаманскіе самоѣдскіе бубны уже лишены рельефныхъ изображеній семи „тадебжіевъ“ и большинство шамановъ даже, допрогрессировавшихъ до замѣны бубновъ сковородками, не знаетъ о томъ, то эти-
7 изображеній, фиксировавшихъ внимание и содѣйствовавшихъ самовнушенію прежнихъ шамановъ, — необходимый символъ духовнаго сана жреца и оракула. Вообще, вырожденіе и компромиссы идутъ такъ быстро, что Ю. И. Кушелевскій, напримѣръ, описы-
ває, видѣннаго имъ въ тензерскихъ юртахъ, „болвана (идола), одѣтаго въ засѣдатель-
скій мундиръ и при шпагѣ“, — даже это, казалось-бы, малобожественная аммуниція ока-
зывается подходящею для облачения самоѣдскихъ боговъ!..
Между тѣмъ, число — играетъ существенную роль во вѣнчанихъ культовыхъ призна-
кахъ самоѣдовъ. Такъ какъ мы видѣли, 7 паръ копыльевъ у священныхъ санокъ, 7 — рель-
ефныхъ ликовъ на планкахъ древняго пенцера, 7 — сукон-
ныхъ полосокъ въ каждой изъ кисточекъ женской шаманской „шапкѣ“ (прикрывающей лицо), 7 — оборотовъ (ко-
лецъ) въ желѣзномъ арканѣ (тынзѣѣ) идола — „оленѣщика“ (собира-
теля оленей); 7 — пальцевъ у шаманской перчатки (черной сверху,
красной по ладони; седьмой палецъ на ладони). И т. д.

Рис. 9.

Рис. 9-й 10-й — изображаютъ женское самоѣдское божество, (сза-
ли и спереди) облегчающее роды и характеризующееся двумя парами
косъ.

Рис. 11-й — очень рѣдкій самоѣдскій идолъ (сидѣй) съ волкомъ на цѣпи („старшина — духъ волковъ“); этотъ сидѣй устанавливается невдалекъ отъ чума на вершинѣ сопки (холма) и долженъ ох-

ранять стада оленей отъ волковъ; чтобы это было обеспечено идола ублажаютъ и задабриваютъ, намазывая его „рожу“ оленьей кровью, рыбымъ (пеляжымъ) жиромъ и, если заслужитъ, нюхательнымъ табакомъ (толченой махоркой), не забывая при этомъ и его волка. Если волки все-таки нападутъ на оленей,—сядэю условно сулить специально принести въ жертву (заколоть шестами отъ чума, не проливая крови) оленя, если удастся собрать все стадо.

Но если и не взирая на такой посулъ часть стада все-таки затеряется или попадетъ волкамъ,—тогда сядэю приходится перенести всяческія униженія и оскорблениі, не исключая и физическихъ; въ дѣлѣ нанесенія и изобрѣтенія послѣднихъ признается препмущество женщины, которымъ строжайше запрещается прохожденіе передъ „алтаремъ“ — синькусмъ (гдѣ лежать божки, пока не потребовались ихъ

Rис. 10.

услуги), и самое приосновеніе которыхъ къ божку есть уже величайшее святотатство, пока божокъ въ фаворѣ и дѣлаетъ то, для чего его выстрогалъ шаманъ.

Рис. 12-й—изображаетъ любопытное, но и горькое, вырожденіе культа,—божка, именуемаго „Сядэй-Микола“.

„Сядэй“ на Ялмалѣ и Карѣ,—„Микола“ въ европейской тундрѣ, у Печоры!—На почвѣ величайшихъ универсальныхъ идеаловъ христианства, принятыхъ не за непремѣнную норму жизни, а за дезидерату произвольной святости,—людей сжигали на кострахъ, терзали инквизиторскими пытками, гноили въ подземельяхъ; такъ поступали фанатики, несравненно болѣе культурные, болѣе цивилизованные, чѣмъ наши полярные инородцы, которые въ эпоху среднихъ вѣковъ

европейской истории, въпрочемъ, еще имѣли индустрию каменного вѣка (неолита) и костяную, были дикарями въ полнѣшемъ смыслѣ этого слова. Что же удивительного, если современный сѣверо-восточный са-
моѣдинъ по своему понялъ христіанство и перенесъ то-
го-же морского идола — сядэя въ „Мико-
лу“, по прежнему принципу помогаю-
щаго самобѣдину при морскихъ промыслахъ. Доходить до
того, что, въ случаѣ удачныхъ промысловъ или спасенія отъ бурь въ Океанѣ,
передъ этимъ „сядѣ-
емъ Миколой“ сжи-
гается восковая свѣч-
ка и курится рас-
каленная на сковородкѣ лиственнич-
ная смола („сѣра“),
но въ то-же время
„рожа“ Миколы уб-
лажается кровью,
ворванью, пеляжъ-
нимъ жиромъ и... по
хательной махоркой.

Рис. 11.

Такъ окрасилъ современный „духъ времени“, — живущій куль-
томъ вѣчнаго „завтрашняго дня“ и не только „вѣрою безъ дѣлъ“, но
дѣлами противъ вѣры, — корни того „дѣства человѣчества“, которые
народы Западной Европы пережили много тысячъ лѣтъ назадъ. Зна-
чительную долю того, что эти народы переживали тысячи лѣтъ назадъ,
племена Приполярной Россіи переживали еще очень недавно, а
частью — хотя и съ значительными видоизмѣненіями, но еще не уни-
чтожившими первобытные корни, — переживаютъ и въ наши дни.

А эти корни — корни исторій, корни прошлаго и нашего Госу-
дарства и всего человѣчества, въ его цѣломъ. Въ „вещахъ“, къ ко-
торымъ лежали сердца человѣка, было, заключено его „я“, съ разви-
тиемъ котораго развивались и „вещи“, отражавшія въ совокупности
своей, его идеалы и его міропониманіе. Функція создаетъ органы, а

не органы функцию; соответственно, органы —такъ и вещи, материальные предметы и первоначальная стремлена, понятия и въ переживаютъ функцию; символы переживаютъ рованія, которые создали эти предметы такими, а не иными.

Рис. 12.

Тягчайшая ошибка нашей эпохи въ направленияхъ культа нашихъ социальныхъ идеаловъ, — въ томъ, что люди возстаютъ противъ сложнаго „цѣлаго“, совершенно запамятывая или игнорируя то, что это цѣлое, какъ всякое цѣлое и чисто логически, состоитъ изъ обусловливающихъ его обликъ и качественный характеръ элементарныхъ частей, что оно не есть иначе матеріальное, что оно есть явление, естественный, физический, результатъ характера дѣятельности образующихъ „цѣлое“ частей, естественная равнодѣйствующая

составляющихъ индивидуальныхъ силъ и свойствъ,—игнорируемъ, что измѣненіе результата, какъ слѣдствія, немыслимо безъ соответствующаго предварительного измѣненія каждой части, т. е., что для устраненія сложныхъ печальныхъ явлений въ общественной, государственной жизни „единое на потребу“—устраненіе ихъ корней въ индивидуальныхъ „составляющихъ“ ячейкахъ общественности, въ индивидуальныхъ прецедентахъ, въ тѣхъ частяхъ колоссального сложнаго механизма государственной жизни, которые мелки, просты, непримѣтны, но отъ работы и дѣятельности которыхъ зависитъ характеръ работы всего государственного колосса во всѣхъ его направленіяхъ.

И именно исторія „дѣтства человѣчества“, именно этнографія поможетъ намъ познать логические законы естественаго прогресса и сознательно, а не слѣпо, идти „впередъ“ самимъ и двигать „впередъ“ свой народъ, ибо этнографія и исторія пути къ познанію того „прошлаго“, безъ котораго нельзя примѣнить къ познанію грядущаго познаніе настоящаго. „Человѣчество“ состоить изъ „націй“, и прежде всего логически необходимо, чтобы нація представляла собою опредѣленное взаимное цѣлое, чтобы она представлялась намъ не въ третьемъ лицѣ множественного числа—„они“, а въ первомъ—„мы“.

Россія же меньши, чѣмъ какая либо другая нація, можетъ познать себя безъ помощи познанія корней своего прошлаго; а не познавъ себя, невозможно познать другихъ и учесть свои положенія среди другихъ, какъ не исправивъ себя, невозможно исправить другихъ.

Погибли зародыши многихъ вѣрованій и идеаловъ,— будемъ-же искать ихъ отпечатки на предметахъ, пока не погибли на вѣки и они...—Это отнюдь не только „интересно“ или „любопытно“, но жизненно-важно, необходимо.

Надо искать эти корни прошлаго.

Но это отнюдь не значитъ, конечно, что надо или можно выжидать результатовъ этихъ исканій и, тѣмъ временемъ, жить по трафаретамъ прежнихъ массовыхъ палліативовъ, ибо ни наша жизнь не ждетъ, ни жизнь нашихъ политическихъ конкурентовъ.

Возвращаясь къ вопросамъ о грядущемъ цѣлой четверти поверхности всей Европейской Россіи и обращаясь къ литературѣ „сѣвернаго вопроса“, приходится, конечно, исключить авторовъ, пропагандирующихъ завѣдомую ложь о Сѣверѣ на личной почвѣ—на почвѣ-ли самозащитнаго стремленія парализовать требовательность центрального Правительства или на почвѣ личныхъ чувствъ озлобленія, зависти, непріязни—недобрыхъ чувствъ, при наличии которыхъ немыслимо то объективное равновѣсіе, безъ котораго нѣть пути къ правдѣ, освѣщаемой лишь добрыми чувствами любви къ ней и къ своему народу, любви къ людямъ, любовью къ человѣку. Объ этой части литературы о Сѣверѣ нашихъ дней, смѣло идущей на подлогъ цитать, фактовъ и мотивовъ, выдающей себя основнымъ признакомъ—сарказма и опороченія пионеровъ, не приходится говорить, какъ и объ авторахъ, вѣрявшихъ этой клеветѣ, не учитывающихъ основного ея признака—раздраженія, и, при полной некомпетентности въ обосновывающихъ естественно-историческихъ и экономическихъ вопросахъ, объявляющихъ и, возможно, искренно считающихъ за „химеру“, напримѣръ, „траво сѣяніе“—основу рациональныхъ и луговодства и „хлѣбо сѣянія“. Литературы-же, съ которой приходится считаться и которая дышить стре-

мленіемъ освѣтить вопросъ не предвзятымъ отношеніемъ и не очернѣніемъ пionеровъ, почти нѣть еще по вопросамъ Сѣвера, при чёмъ та, которая уже есть, пронизана красною нитю безвѣрія, сомнѣнія—зalogовъ творческой импотенціи, затрудняющихъ детальныи анализъ фактовъ и явлений.

Въ частности я долго не понималъ этой робости, этого невѣрія въ силы и въ способности русскаго народа и его дѣятелей, призванныхъ служить Родинѣ; я полагалъ, что возможное, уже осуществленное нѣмцами, финляндцами, американцами или норвежцами, разъ оно признано залогомъ благополучія и Россіи, не можетъ имѣть препятствій къ проведенію и въ нашу жизнь.

Но—въ этомъ я, дѣйствительно, „увлекался“. Я попрежнему глубоко вѣрю въ возможности, заложенные историческою судьбою въ духѣ нашего народа. Но вижу, что народъ нашъ, дѣйствительно, лишенъ тѣхъ „людей“, которыми двигаютъ любовь къ нему, вѣра въ „сегодняшній“, а не „завтрашній день“, вѣра въ то, что можно и должно работать на благо родного Государства въ наличныхъ условіяхъ, что дѣло не въ формахъ и въ пересадкѣ по психологическому трафарету крыловскаго „квартета“,—„людей“, у которыхъ „желаніе“ служить родинѣ не можетъ устоять на точкѣ „словъ“, какъ „символовъ воли“, и не перейти въ соотвѣтствующую этимъ словамъ дѣятельность, „людей“—„хочу“ которыхъ, основанное на вѣрѣ, есть уже и „могу“... Этихъ „людей“, на дѣлѣ преданныхъ Россіи, почти нѣть Вѣрнѣ даже, не ихъ нѣть, а нѣть въ людяхъ, полныхъ этихъ возможностей, безстрашія передъ „трудомъ“ и твердой вѣры въ великую силу упорнаго труда и въ то, что всегда и непремѣнно ихъ „вѣра спасеть ихъ“.

Возвращаясь къ существу вопроса объ экономическомъ развитіи и использованіи сѣверныхъ земель Европейской Россіи, независимо отъ ихъ физико-географическихъ условій, много лучшихъ чѣмъ условія въ тѣхъ же широтахъ Америки, напримѣръ—приходится установить, въ сферѣ искреннихъ скептиковъ, печальный психологический *lapsus*: напримѣръ, когда рѣчь идетъ объ использованіи возможностей другихъ областей, неиспользованіе которыхъ слишкомъ не „косвенно“ гнело нась,—мы учитываемъ факторы исторического прошлаго условія, не содѣствовавшія (если не противодѣствованія) экономическому развитію соотвѣтствующихъ отраслей и т. д., въ отношении-же къ Сѣверу, предоставленному медленному теченію времени, „самому себѣ“, гдѣ, поэтому, элементы первобытной культуры отмирали съ особою медленностью,—мы эти условія не учитываемъ и слѣдствія ихъ средства сравниваемъ со слѣдствіями условій, совершенно иныхъ.

Я не говорю уже о томъ, что даже существующія данныя статистики, исторіи біологической географіи, метеорологии, хотя-бы и не

приспособленныя къ Сѣверу его самобытной географической частности, нами совершенно игнорируются и, напримѣръ, въ то время, какъ температурные наблюденія, произведенныя по кустарному термометру, „тамъ“ признаются ничего не говорящими, а „здѣсь“—принимаются даже при экспедиціонныхъ маршрутныхъ передвиженіяхъ въ учть и т. д.

Но и въ вопросахъ, напримѣръ, агрономическихъ, агрономическая основоположенія какъ-то исчезаютъ, какъ только вопросъ коснется не заселенныхъ окраинъ первобытного ландшафта и, въ особенности, Сѣвера. Случись недородъ на Сѣверѣ,—не медля причину его находить въ „климатѣ“ и не задаются вопросомъ о томъ, „а не было-ли другихъ причинъ?“; тогда какъ „тамъ“ въ средней Россіи учитываютъ: преимущества вспашки плугомъ передъ вспашкою сохой, бороньбы желѣзной бороной передъ бороныбой корешковкой (давно, впрочемъ и вымершей „тамъ“), травяныхъ клиньевъ и съвооборота передъ яровымъ однопольемъ, учитываютъ засоренность посѣвного материала и значение молотьбы молотилко или цѣпами (на нашемъ Сѣверѣ они „еще не“ существуютъ,—здѣсь молотятъ „кичигами“), отвѣживанія вѣялкою или (какъ это на Печорѣ) лопатами, одностороннее удобрение, ранніе покосы, отсутствіе подстилки въ навозѣ („тамъ“ учитывается даже величина рѣзки въ сантиметрахъ), содержаніе скота безъ прикормки сверхъ сѣна, въ темныхъ помѣщеніяхъ, выгонъ скота на водопои къ прорубямъ зимою, „сорта“ сѣмянъ, отсутствіе пара, и т. д. и т. д. „Здѣсь же“ всѣ эти отрицательные факторы на лицо не порознь, а въ совокупности, но они не принимаются къ критическому свѣдѣнію, не учитываются, какъ не учитываются и факторы историческая и экономическая, бездорожье, и т. д., которые здѣсь, какъ и гдѣ-либо, не могли не оказать вліянія на опредѣленную хроническую картину слѣдствія хроническихъ причинъ. И, вмѣсто помощи населенію, вмѣсто подъема его вѣры и содѣйствія къ переходу отъ полуко-чевого быта, мы судимъ по наличной картинѣ о результатахъ тѣхъ условій, которыхъ мы призваны измѣнить, создать.

И это безвѣріе, этотъ духъ его плода интеллектуальной импотенції, бездѣятельности поразилъ и напу науку, расписывающуюся такъ часто въ безсиліи своей иніцiatивы и „идущую за горбомъ мужика“, вмѣсто того, чтобы идти впереди и создавать „духъ времени“ грядущаго, а не слѣдовать туда, гдѣ уже „грянулъ громъ“, который и можно и должно было-бы предвидѣть.

Въ виду того огромнаго значенія, какое пріобрѣтаетъ для современной Россіи вопросъ объ использованіи огромныхъ пустынныхъ пространствъ и объ обеспеченіи связи ихъ расчитанными транзитными и взаимно обмѣнными узами, мнѣ представляется, что намъ крайне необходима программа, которой у насъ нѣть,—программа, которая могла-бы служить энциклопедическимъ руководствомъ въ основномъ

вопросъ о выясненіи культурной „пригодности“ незаселенныхъ или непаханныхъ земель какъ средство для оцѣнки и контроля правильности выводовъ по обоснованіямъ. Дѣло идетъ о грядущемъ Россіи; и это сложное грядущее мы не можемъ подчинять, какъ было до сихъ поръ въ отношеніи къ нашему Сѣверу, субъективнымъ „мнѣніямъ“, „заключеніямъ“, „отзываамъ“, вѣрованіямъ.

Сѣверныя земли—„земли будущаго“, говорять. И да и нѣтъ. Ибо вѣрнѣе, точнѣе назвать ихъ „землями будущихъ людей Россіи“... Увы! для привлечения этихъ людей на нашемъ Сѣверѣ, гдѣ нужна такъ „дѣятельность“ и гдѣ служащіе поставлены въ парализующія возможную дѣятельность условія (матеріально, квартирно и въ другихъ „мелкихъ отношеніяхъ“, „косвенно“, но сильно вліяющихъ на продуктивность работы),—мы не сдѣлали ничего...

И опять, кончая статью, вернусь къ психологическому положению, и скажу не своими словами, а словами мыслителя XVII го вѣка Паскаля, вполнѣ приложимыми къ очередному положенію и „сѣвернаго вопроса“. Паскаль говорилъ: „лестно имѣть врагами неразсудительныхъ людей; ихъ оппозиція столь мало грозить опасностью, что даже, напротивъ, служить для упроченія основныхъ истинъ. Если бы подобные люди подумали серьезнѣе, то они увидѣли бы, что они склонѣнія направили бы на путь истины, чѣмъ совратили бы людей, имѣвшихъ какую нибудь склонность слѣдовать за ними. И дѣйствительно, стоитъ потребовать у нихъ отчета въ ихъ чувствахъ и основаній, въ силу которыхъ они сомнѣваются (въ истинѣ), и они наговорятъ вамъ столь слабыхъ и столь низкихъ вещей, что убѣдить васъ скорѣе въ противномъ. Очень кстати вышлѣбы, если бы кто сказалъ имъ: „Если вы будете продолжать эти разказы, то вы, право, убѣдите меня въ истинѣ вѣры (вами опровергаемой и осмѣиваемой)“. И онъ быльбы правъ; дѣйствительно, кто не пришелъ бы въ ужасъ, увидѣвшіи себя солидарнымъ въ чувствахъ съ такими „презрѣнными людьми?“...

Но—чтобы выяснить, что загрязненная и заброшенная посудина сдѣлана изъ блестящаго металла, необходимо, чтобы она была подвергнута тренію песка, грязи, кислой гущи,—они даютъ металлу блескъ, свойственный его истинной природѣ. Такъ и всякая истина, независимо отъ ея утилитарной емкости...

Россіи всего необходимѣе предусмотрительно, разумно, съ возможнымъ минимумомъ компромиссовъ въ сторону палліативовъ, поставить три параллельныхъ средства къ ея познанію: во-первыхъ—изученіе условій „первобытнаго ландшафта“, къ которому относятся неопределенные фазы „тундръ“, „пустошей“, „запольныхъ земель“, „пустырей“, марей, „болотъ“, „неудобныхъ земель“, „тайболовъ“, „тайги“ и т. д. и т. д., во-вторыхъ—экономическая, вообще и сельско-хозяйственная статистика, въ особенности (по-скольку мыслимо, съ прикладными ботаническими учетами), и въ третьихъ—специально сель-

ско-хозяйственная метеорология, сравнительная метеорология не „годовой изотермы“, а вегетационныхъ периодовъ, периодовъ развитія соответствующихъ культурныхъ растеній въ частности. Всѣ, и историческая и географическая условія говорять за то, что въ сферѣ этихъ трехъ, прежде всего, путей къ государственному или территоріально-му самопознанію Россія не можетъ идти по слѣдамъ западно-европейской науки, но должна создать свои методы, широко проявить свою инициативу. Таково мое *credo*; и графическая эпиграмма, взятая мною къ настоящей статьѣ, дѣлаетъ это *credo* непоколебимымъ: вѣдь вся территорія „первобытныхъ“ земель Россійской Имперіи—чрезвычайно колоссальна не только относительно, но и абсолютно, что уже по чисто географической логикѣ (если можно такъ выразиться), налагаетъ на Россію опредѣленную историческую миссію, измѣряющуюся радиусомъ общечеловѣческаго, мірового значенія. И среди этихъ трехъ средствъ самопознанія нѣтъ и не можетъ быть „болѣе важнаго“,—они все равнозначны, они все важны въ превосходной степени, т. е. важнѣйшія, они необходимы одинаково и одновременно, если только на вопросъ „необходимо ли Россіи для блага ея познать себя“ мы не можемъ отвѣтить отрицательно. А разъ нельзя сказать „нѣтъ“, отвѣчая на этотъ вопросъ, то—можно ли откладывать решенія на „завтра“, по какимъ-бы то ни было соображеніямъ?

„Можно“ было-бы; если-бы можно было признать, что въ этомъ самопознаніи, въ этомъ познаніи условій и возможностей Россіи нѣтъ „единаго на потребу“, единственного исхода къ прочному благу страны и ея народа.

И вотъ, за твердымъ пониманіемъ именно этого-то „нельзя“,—какъ мнѣ твердо вѣрится, вся остановка, какъ результатъ попытокъ отысканія иныхъ путей и формъ, какъ результатъ попытокъ обмануть единые принципы природы и дойти до цѣли „проще“, „дешевле“, „легче“, „скорѣе“. Чѣмъ это возможно. Эти пародоксальные „попытки“, къ сожалѣнію, свойственны психикѣ почти каждого человѣка и каждой чѣмъ-либо обособленной группѣ людей, и потому-то онѣ свойственны и ихъ широкой ассоціаціи, образующей государство. Въ Россіи-же, въ странѣ безконечныхъ возможностей, сама природа вѣнчаетъ этотъ *lapsus* особенно ощутительно нетерпимыми послѣдствіями.

Андрей Журавский.

Усть-Цильма.
июль 1911 г.

„Извѣстія Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера“.

1909 годъ. 15 выпусковъ составляютъ объемистый томъ въ б. 8⁰, 1212 страницъ, съ рисунками и картами.

Въ числѣ многихъ другихъ въ этомъ томѣ были помѣщены слѣдующія статьи: *А. Колычевъ*. „Земство на окраинахъ“. — *Вс. Постниковъ*. „Знахарство, виды его и борьба съ нимъ въ Архангельской губерніи“ — *А. Нордъ-Вестъ*. „О колонизации Архангельской губерніи“. — *Сурожъ*. „Одна изъ нуждъ лѣсовъ нашего Сѣвера“, — *Д. В. Федоровъ*. „Сельское хозяйство на Крайнемъ Сѣверѣ“. — *Н. Голубцовъ*. „Объ управлении самоѣдами“. — *Андрей Журавский*. „Изъ быта и культа Архангельскихъ самоѣдовъ“. — *Л. Мелетьевъ*. „Объ эпизоотіяхъ антракса у оленей и составѣ ихъ стадъ въ Печорскомъ уѣздѣ“. — *С. Аверинцевъ*. „Нѣсколько словъ о постановкѣ научно промысловыхъ изслѣдований у береговъ Мурмана“. — *В. Држевецкій*. „Обзоръ научно-промышленныхъ изслѣдований“. — *С. Аверинцевъ*. „Зависимость метеорологическихъ факторовъ урожаевъ и рыбныхъ промысловъ отъ температурныхъ колебаній въ видѣ Гольфштрома“. — *Г. Гебель*. „Экскурсія въ Поной для ознакомленія съ осеннимъ ловомъ семги и для отысканія залежей мѣдной руды“. — *А. С. Адриановъ*. „Жизнь на Мурманѣ“. — *В. Мелетьевъ*. „Изъ путешествія въ Сороцкую Карелію“. — *Н. Куликъ*. „Источники Пымъ-ва шарь“. — *Н. Цинесинъ*. „Айновы острова“. — *П. Ануфріевъ*. „Бѣломорскіе лѣды“. — *Кан-скій*. „Значеніе Онежскаго порта въ отиускной лѣсной торговлѣ“. — *Л. Горшенинъ*. „Прошлое и настоящее водныхъ путей съ Камы на Сѣверъ“. — *М. В. Церешневъ*. „Объ-Архангельская желѣзная дорога“. — *А. Колычевъ*. „Новые пути къ Ухѣ и ихъ значеніе“. — *С. А. Бутурлинъ*. „Проектъ новыхъ правилъ обѣ охотѣ и ихъ значеніе для нашего Сѣвера и Сѣверо-Востока“. — *Н. Заграфъ*, проф. „Нужды нашего сѣверного рыболовства“. — *Ю. Крамеръ*. „Къ вопросу объ эксплоатациіи ископаемыхъ Архангельской губ.“ — *А. А. Карапниковъ*. „Судьба старого церковнаго зодчества въ Архангельской губ.“ и мн. друг.

1910 годъ. Первое полугодіе (съ № 1-го по 12-й) составляетъ объемистый томъ въ б. 8⁰ листа въ 699 страницъ; а второе (съ № 13-го по 24-й) томъ въ 1179 страницъ, оба съ рисунками и картами.

Въ числѣ многихъ другихъ статей здѣсь помѣщены: *И. Стакле*, инженеръ. „Нѣкоторыя данныя о водныхъ путяхъ съ р. Ухты на р. р. Каму и Сѣв. Двину“. — *А. С. Неклюдовъ*. „Кулойскія соленныя озера и источники въ связи съ использованіемъ ихъ въ лечебныхъ цѣляхъ“. — *А. С. Адриановъ*. „Жизнь на Мурманѣ“. — *Русановъ*, *В.* „Новоземельскій каменный уголь и вѣковая движенія суши и моря“. — *А. Войиковъ*, проф. „Молочное хозяйство и льноводство на Сѣверѣ Россіи“. — *Андрей Журавский*. „Будущее приполярнаго земледѣлія“. — *Мартинъ*, *А. Ульсенъ*. „Къ докладу проф. Сурожъ о нуждахъ лѣсовъ нашего Сѣвера“ — *Чекановский* *А. Е.* „Скотоводство Печорскаго уѣзда“. — *И. Ануфріевъ*. „Объ удлиненіи навигаціи на Бѣломъ морѣ“. — *Г. Селецкій*. „Взглядъ на морской путь въ Сибирь“. — *М. Шпиръ*. „Зимніе звѣринные промыслы“. — *С. Постниковъ*. „Къ оживленію Мурманскихъ промысловъ“. — *А. Г. Ивановъ*. „Годъ жизни пустозера“. — *А. А. Каменевъ*. „Изъ воспоминаній о посѣщеніи карельской деревни“ — *Н. Голубцовъ*.

„Изъ былого прошлаго“.—*I. Гебель.* „Біармія и низовья Сѣв. Двины“.—*A. Кааранъ.* „Къ исторіи Русскаго Сѣвера“—*A. Горшенинъ.* „Рыбные промыслы въ Сибири“.—*A. Быковъ.* „За полярнымъ кругомъ“.—*B. Пересъ.* „Открытие русской колоніи на Новой Землѣ“.—*K. Сусловъ.* „Съ Печоры“.—*B. Држевецкій.* „Тралловый ловъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ“.—*P. A. Сорокинъ.* „Пережитки анимизма у зырянъ“.—*H. A. Санинъ.* „Новѣйшія археологическія находки въ Чердынскомъ краѣ“.—*Евг. Остр.* „Мужчина и женщина въ Кемскомъ Поморьѣ“.—*M. C. Богдановъ.* „Домашняя жизнь, права и нѣкоторые обычай поморовъ“—и мн. друг.

1911 годъ. Первое полугодіе (№№ 1—12) составляеть объемистый томъ въ 1068 страницъ, б. 8⁰ листа съ рисунками и картами и въ числѣ многихъ другихъ статей содержить въ себѣ слѣдующія: *M. П.* „Нашъ Сѣверъ въ описаніи иностранца XVI вѣка“.—*C. Зобковъ.* „По Сѣверу“.—*I. Ануфріевъ.* „Новоземельская зима“.—*K. Жаковъ.* „Изъ жизни охотниковъ на Вишерѣ“.—*H. Белдыцкій.* „Въ низовьяхъ Печоры“—*P. A. Сорокинъ.* „Печорская экспедиція и колонизация зырянского края“.—*Ф. Крыштофовичъ.* „Примѣръ Аляски“.—*A. Рядчинъ.* „По глухимъ уголкамъ Русскаго Сѣвера“—*A. Анисимовъ.*—„Въ зырянскомъ краѣ“.—*L. Горшенинъ.* „Соляной край“.—*O. M. Латкинъ.* „Наши горныя богатства“.—*Сурожъ,* проф. „Къ вопросу о казенныхъ лѣсахъ Сѣвера“—*I. Тулубьевъ.* „Холмогорское скотоводство въ его историческомъ районѣ“.—*A. A. Чарушинъ.* „Вопросы колонизации Сѣвера“.—*A. Борисовъ.* „О великомъ водномъ пути изъ Сибири въ Европу“.—*Г. Селецкій.* „О морскомъ пути въ З. Сибирь“.—*H. Копытовъ.* „Объ обложеніи мурманской рыбы сборомъ“.—*C. Керцелли.* „О типѣ ружья наиболѣе пригодномъ для сѣверного промышленника“—*K. Спаде.* „Тралловый промыселъ въ сѣверныхъ водахъ“.—*P. Сорокинъ.* „Къ вопросу объ эволюціи семьи и брака у зырянъ“.—*I. Цейтлинъ.* „Поморскія народныя сказки“.—*L. Унинъ.* „На вечеринкѣ“.—*B. Ю. Визе.* „Лопарская музыка“.—*Гр. Верещагинъ.* „Вотскіе боги“.—*H. Рутсци.* „Нѣсколько словъ о финляндской миѳологии“.—*M. Богословскій.* „Изъ исторіи поземельной общины на Русскомъ Сѣверѣ“.—*A. Изюмовъ.* „Нѣкоторыя данныя къ вопросу о первомъ пребываніи Петра Великаго въ Архангельскѣ въ 1693 году“.—*H. Гиммеръ.*—„Крестьянскій бюджетъ на Сѣверѣ“.—*H. A. Хабаровъ.* „Промыселъ песцовъ и лисицъ въ тундрахъ Архангельской губ.“.—*P. Романовъ.* „Въ лѣсахъ, горахъ и поселкахъ Архангельской Карелии“.—*B. Бикъ.* „Бой рыбы по р. Ангарѣ“.—*Л. Журавскій.* „Къ вопросу объ использованіи земельныхъ возможностей нашего Сѣвера“, и много другихъ.

(Въ виду израсходованія первыхъ №№ подписка принимается въ текущемъ 1911 году лишь съ 1 июля по цѣнѣ 2 руб. съ пересылкой до конца года).

Журналъ Извѣстія будеъ издаваться и въ будущемъ 1912 году по прежней программѣ и по цѣнѣ 4 руб. въ годъ съ пересылкой.

„ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ НА СЪВЕРЪ“.

Сборникъ статей и указовъ, относящихся къ дѣятельности
Петра I на Съверъ

подъ редакціей А. Ф. ШИДЛОВСКАГО

С О Д Е Р Ж А Н И Е:

Значеніе Архангельска при Петрѣ Великомъ. С. Огородникова.—Петръ Великій въ Архангельскѣ и плоды пребыванія его на нашемъ Съверѣ. С. Огородникова — Новодвинская крѣпость. Н. Голубцова.—Крестъ Петра Великаго, хранящійся въ Архангельскомъ Каѳедральномъ соборѣ. Н. Голубцова.—Домикъ Петра Великаго въ г. Архангельскѣ. Н. Голубцова.—Карета «Берлинъ».—Бавчуга, Баженины и память о Петрѣ Великомъ, связанная съ нимъ. А. Грандилевскаго.—Осударева дорога—Указы Петра Великаго.—Библіографический указатель литературы, касающейся дѣятельности Петра Великаго на Съверѣ и описание дѣлъ Архангельского Губернскаго Правленія за время его царствованія, сохранившихся въ архивѣ. Къ сборнику приложены: Портретъ Петра I.—Снимокъ съ рѣдкой гравюры, изображающей видъ г. Архангельска въ 1701 г.—Снимокъ съ собственноручного указа.

Цѣна сборника 1 руб. 50 коп.

Дополненіе къ указателю литературы о должностяхъ Петра Великаго на Съверѣ и описание старыхъ дѣлъ съ 1710—1725 г.г. съ приложеніемъ алфавитовъ имёнъ: авторовъ, лицъ и географическихъ. Архангельскъ. 1910.

Цѣна дополненія къ указателю 50 коп.

Выписывать можно наложеннымъ платежомъ изъ губернской типографіи
г.-Архангельскъ.

ПРОДАЖА РАЗНЫХЪ

ЗВѢРИНЫХЪ КОВРОВЪ,

какъ: бѣлыхъ и бурыхъ
медвѣдей, волковъ, сѣ-
верныхъ оленей и проч.
равно чучела звѣрей и
тицъ.

Людвигъ фонъ Вышомирский

Архангельскъ.

ФОТОГРАФІЯ

I. Ю. Собергъ

Въ г. Архангельскѣ
предлагаетъ любите-
лямъ и коллекціоне-
рамъ фотографиче-
скіе снимки видовъ
Съвера Россіи; (раз-
личныхъ размѣровъ).
Имеется также боль-
шой выборъ откры-
токъ съ видами Съ-
вера.

СЪВЕРНЫЙ СКЛАДЪ ОРУЖІЯ **Д. ПЕТРОВА** въ Архангельскѣ

Гостинный рядъ противъ

Никольского подворья, тел. № 177.

Обширный выборъ охотничихъ ружей, винтовокъ, трехстволокъ, бок-бюксфлінтовъ, бюксфлінтовъ, автоматическихъ пистолетовъ, револьверовъ. Порохъ, дробь, пистоны и все для охоты. Рыболовные принадлежности. Фейерверкъ. Лыжи. Коньки. Велосипеды и ихъ части и др. предметы спорта.

Обращаю особое вниманіе г.г. промышленниковъ обширнаго Сѣвера на винтовки сис. Ремингтона подъ парт. Бердана съ хорошимъ граненымъ стволовомъ заграпичной работы. Эта винтовка по конструкціи самое надежное, практическое, прочное, а по устройству обращенія самое простое— что и позволяетъ смѣло сказать, что винтовка съ затворомъ Ремингтона незамѣнимое для нашихъ Сѣверныхъ промышленниковъ самоѣдовъ.

Постоянное получение загран. новостей. Исполненіе заказовъ быстров по цѣнамъ вѣтъ всякой конкур.

Только что вышедший въ свѣтъ новый иллюстрированный прѣсъ-курантъ высыпается по первому требованію бесплатно.

Въ Правлениі Архангельского Общества изученія Русскаго Сѣвера, а равно и въ книжныхъ магазинахъ: въ Архангельскѣ: Булычевой; Шашковской; Коганъ. Въ С.-Петербургѣ: Нового Времени (Суворина); Т-ва М. О. Вольфъ; Географ. маг. Главнаго Штаба. Въ Москвѣ: „Трудъ“ (Скирмундъ); С. Спириданова и А. Михайлова. Въ Лейпцигѣ (Leipzig), Karl W. Hiersemann, Koenigsrasse 29,—продаются слѣдующія изданія Об-ва:
Новая Земля. Указатель отдѣльныхъ трудовъ, статей и замѣтокъ русскихъ ученыхъ, путешественниковъ и писателей. Составилъ А. Ф. Шидловскій. С. 1910. 67 стр. 8⁰. Цѣна 75 коп.

Указатель литературы о дѣятельности Петра Великаго на Сѣверѣ и опись старыхъ дѣлъ Архангельскихъ губернскихъ приставственныхъ мѣстъ съ 1710—1725 г., съ подробными алфавитными указателями именъ авторовъ, лицъ и географическихъ названий. А. Ф. Шидловскій. А. 1910. 132+22 стр. 8⁰. Цѣна 80 коп.

Библиографический указатель литературы, касающейся Большевемельской тундры и оленеводства. Составилъ А. Ф. Шидловскій. Архангельскъ. 1911. 13 стр. Цѣна 25 коп.

Ненокский соляной промыселъ. Ю. Крамеръ. А. 1909. 15 стр. Ц. 10 к.

Уставъ Архангельского Общества изуч. Русскаго Сѣвера. А. 1910. Ц. 5 к. Кроме того при библиотекѣ Общества изуч. Русскаго Сѣвера продаются:

„Изв. А. О. И. Р. С.“ 1910 г., II полугодіе, цѣна 2 руб.

„Изв. А. О. И. Р. С.“ 1911 г. кроме №№ 1, 2, 8—9, цѣна 25 к., за экземп. а также отпечатанные въ ограниченномъ количествѣ отд. оттиски статей, помѣщенныхъ въ №№ „Извѣстій“ Общества за 1909 и 1911 г.г.:

Н. Копытовъ. Мурманско-канінскіе рыбные промыслы, 20 стр.+карт. Цѣна 30 к.

А. Н. Сурожъ. проф. Нужды лѣсовъ нашего Сѣвера. Докладъ въ засѣданіи „А. О. И. Р. С.“, 53 стр. Цѣна 40 коп.

А. Малаховъ. Торговля продуктами сѣверного кустарного смолокуренія въ прошломъ и настоящемъ. Докладъ въ засѣданіи А. О. И. Р. С.“ 13 стр. Цѣна. 20 к.

А. Кааранъ. Къ исторіи Русскаго Сѣвера. (Русско-норвежскія отношенія), 22 стр. Цѣна 70 к.

К. Спаде. Тралловый промыселъ въ Сѣверныхъ водахъ и рыболовная комиссія Государственной Думы. Докладъ въ засѣданіи „А. О. И. Р. С.“ 7 стр. Цѣна 10 коп.

Евг. Остроумовъ. Въ ожиданіи земства въ Архангельской губ., 12 стр. Цѣна 20 к. |

В. Покровскій. Народное образование въ Архангельской губ. въ связи съ проектомъ всеобщаго обученія 12 стр. Цѣна 20 к.

Записка Архангельского Городского Общественнаго Управлениія о проведеніи къ Архангельску Восточно-Уральско-Бѣломорской ж. д. съ вѣтвью на р. Обь по проекту В. Н. Вольтмана. Составлена В. А. Ленгауэръ и Е. П. Остроумовымъ, 52 стр. Цѣна 50 коп.

Г. Цейтлинъ. Поморскія народныя сказки. 21 стр. Цѣна 25 коп.

С. Лосевъ. О низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Вологодской губ. за 1910 годъ. 63 стр. Цѣна 40 кон.

І. Сибирцевъ. Къ биографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ. 24 стр. Цѣна 40 коп.

Ал. Крупкинъ, свящ. Вѣрованія пермяковъ-инородцевъ. 15 стр. Цѣна 15 к.

И. Тулубьевъ. Холмогорское скотоводство въ его историческомъ районѣ. 19 стр. Цѣна 15 коп.

І. Сурожъ. Къ вопросу о нуждахъ лѣсовъ нашего Сѣвера. 20 стр. Ц. 10 к.

М. Богословскій. Изъ исторіи поземельной общины на Русскомъ Сѣверѣ. 16 стр. Цѣна 25 коп.

М. Островская. О древне русскомъ одиначество. 15 стр. Цѣна 10 коп.

Цѣны назначены безъ пересылки; можно выписывать напоженнымъ платежемъ.